

²¹ Отражением этого процесса и следует, видимо, считать подчеркивание в литературных источниках, начиная с «Югуртинской войны» Саллюстия (Sall., Jug., 14, 1; 111, 1), права собственности римлян на завоеванные земли (соответственно, права распоряжаться ими по своему усмотрению) и ограниченности права пользования зависимых царей дарованными им территориями.

Список сокращений

App., В.С. – Аппиан. Гражданские войны.
 Caes., В.С. – Цезарь. Записки о гражданской войне.
 Cass. Dio – Дион Кассий. Римская история.
 Cic. – Цицерон.
 Ager. leg. II – Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла.
 Fam. – Письма к близким.
 Flor. – Флор. Две книги эпитом римской истории.
 Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания.
 Sert. – Жизнеописание Сертория.
 Ant. – Жизнеописание Антония.
 Pol. – Полибий. Всеобщая история.
 Sall., Jug. – Саллюстий. Югуртинская война.
 Strab. – Страбон. География.
 Tac., Ann. – Тацит. Анналы.
 BASTHS – Bulletin archeologique du comite des travaux historiques et scientifiques.
 Mazard J. CNM – Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque.

А.В. РАНДИН

ГУСИТСКАЯ ЭПОХА В ЗЕРКАЛЕ ОДНОЙ СУДЬБЫ («РУССКИЙ ГУСИТ» КНЯЗЬ ФРИДРИХ ОСТРОЖСКИЙ)

Князь Фридрих Острожский, «известный гуситский партизан», как его метко охарактеризовал польский историк XIX века¹ – персонаж, по-своему заметный в истории гуситской эпохи, его имя вскользь упоминается на страницах специальных и популярных исторических трудов. Специального исследования о нем нет, но имеется ряд пристрастных и идеологически окрашенных оценок. Для одних он – наиболее примечательная, исключительная фигура среди русских участников гуситской революции, воплощение якобы существовавшей уже в XV в. славянской солидарности, искренне верующий православный человек, глубоко переживавший несправедливое осуждение Яна Гуса и Иеронима Пражского². С его именем связано возникновение курьезной легенды о некоем моравском «Сталинграде», в которой освобождение осажденного Бржецлава таборитским войском в 1426 г. изображается как решающая битва, обеспечившая гуситам контроль над всем моравским маркграфством. При этом большой ключ на бархатной подушке вручил Прокопу Голому сам командир защитников – князь Фридрих³. А для других он – продажный наемник, «восточный князь с пустыми карманами», из корыстных соображений сотрудничавший с гуситами⁴.

Действительно, князь Фридрих из Острога прошел через историю гуситской Чехии и соседних стран таким замысловатым зигзагом, что прежде чем проследить этот головокружительный слалом, когда его имя то появляется в источниках, то исчезает на многие годы, а затем вновь всплывает, но уже в иной роли, на другой стороне баррикады или в третьем государстве, необходимо, хотя бы в грубом наброске, представить себе основные вехи развития гуситского движения и чешской реформации в контексте центрально-европейских реалий 20–30-х гг. XV столетия.

Гуситская революция и чешская реформация выросли из затяжного кризиса позднесредневековой Европы XIV–XV вв., вызванного комплексом экономических, социальных, политических, культурно-исторических факторов и нашедшего наиболее яркое проявление в упадке церковной организации западного христианства и в стремлении ее реформировать на базе евангельских принципов. В официальных церковных структурах к началу XV в. возобладало представление о том, что реформу церкви «во главе и членах» призван осуществить собор, т.е. форум представителей церковных институтов, интеллектуальной и политической элиты европейского духовенства, перед авторитетом которого должна была склониться папская власть. Соборное движение представляло собой модель реформы церкви «изнутри», поскольку исходило из того, что право принимать решения о путях реформы может только духовенство, в определенной степени учитывающее интересы светской власти, представленной римским императором и другими христианскими монархами.

Чешская реформация также зародилась в рамках «ученой критики церкви». Однако за сравнительно короткий период гуситское понимание реформы, сформулированное магистрами Пражского университета Яном Гусом и Якоубеком из Стржибра, получило мощный отклик во всех слоях чешского общества. Краеугольным камнем гуситской теории стал принцип «божьего закона», изложенного в Библии, который на практике означал следование примеру Христа и возвращение к «апостольским» нормам, которыми руководствовалась раннехристианская церковь. Главная причина упадка римской церкви и социального кризиса усматривалась в светской власти духовенства и церковной собственности. При этом гуситские идеологи не испытывали иллюзий относительно способности духовенства добровольно отказаться от власти и имущества. Право и обязанность осуществить реформу возлагались на государя и дворянство, а при определенных условиях, и на население города и деревни. Не случайно нарастающее гуситское движение спонтанно избрало своим символом чашу причастия. Причастие мирян под обоими видами (хлебом и вином из чаши), теоретически обоснованное Якоубеком из Стржибра, было главным признаком, который объединял гуситов всех направлений и одновременно отличал их от католиков, причащавшихся только хлебом. По своей сути «чаша» выражала нарастающий процесс секуляризации: при богослужении мирянин уравнивался в правах со священником.

Понятно, что отмеченные принципы гуситской теории и практики создавали предпосылки для реформы церкви «извне» и широкого социально-активного действия, катализатором которого стала гибель Яна Гуса и Иеронима Пражского, сожженных на костре по приговору Констанцского собора. Летом 1419 г. гуситское движение переросло в революцию.

При этом чешское общество раскололось по всей шкале социальной структуры на два параллельных блока: гуситов и католиков. Важно подчеркнуть, что поляризация произошла не между отдельными сословиями, социальными слоями и группами, а внутри них. Поэтому было бы существенным упрощением объяснять непосредственные мотивы участия в гуситском движении только экономическими и политическими интересами. Конечно, их нельзя сбрасывать со счетов, но определяющим было внутреннее убеждение индивидуума, его понимание христианской веры и осознание необходимости реформы.

Несомненно, что в исторической ретроспективе, с многовековой дистанции ситуация выглядит несколько иначе. Гуситская революция имела широкую социальную базу, но объективно ее программа наиболее отвечала интересам бюргерства. Ее ведущей силой были королевские города, которые стремились получить доступ к политической власти. Высшее и низшее дворянство привлекал секуляризационный аспект

гуситской программы. Часть панства стремилась избавиться от амбициозного конкурента в лице духовенства и добиться решающей роли в управлении государством. Многочисленная низшая шляхта также добивалась участия в общественной жизни королевства, и именно в напряженной революционной атмосфере пришло ее время. Земане, паноши и владыки получили возможность продемонстрировать свои политические и военные способности, реализовать личные амбиции как в рядах гуситов, так и на стороне католиков. Естественно, что наиболее преданных сторонников и пламенных проповедников идея реформации нашла среди чешского духовенства: университетских интеллектуалов, части приходского клира, беглых монахов и «священнического пролетариата», которому нечего было терять в процессе секуляризации. Наконец и зависимые крестьяне со значительными симпатиями отнеслись к идеалам реформы и прямо участвовали в гуситском движении. Впервые в чешской истории крестьянство выступило как активная социальная сила.

Итак, гуситская революция в 1419–1420 гг. вступала в свою кульминационную фазу как движение социально разнородное и внутренне сложно структурированное. Тем не менее, на Чаславском сейме 1421 г. произошло объединение всех гуситских сил на базе общей программы «Четырех пражских статей», которая постулировала «божий закон» в качестве не только высшей религиозной, но и светской нормы в сфере государства, права, политики, культуры и морали, обязательной для всех без различия пола, происхождения, сословия и имущественного положения. Конкретные требования программы предусматривали свободную проповедь слова божьего, приращение мирян под обоими видами, как необходимого условия спасения души, секуляризацию церковного имущества и ликвидацию светской власти духовенства, а также бескомпромиссное искоренение всех «смертных грехов», т.е. отступлений от евангельских принципов в гуситском понимании «божьего закона».

Эту программу гуситы намеревались реализовать не только на территории Чешского королевства, но и во всем христианском мире. Идеи чешской реформации изначально имели наднациональный, универсалистский характер, что не исключало, однако и выраженного чешского мессианизма, представления о том, что именно чехи являются тем избранным народом, которому Бог открыл истинные правила христианской жизни.

Хотя Четыре пражские статьи в суммарном виде отражали основные принципы чешской реформации, но их интерпретации внутри гуситского лагеря существенно варьировались, поскольку гуситы в ходе революции разделились на несколько главных конфессионально-политических направлений, которые при необходимости сотрудничали, но одновременно и соперничали в борьбе за гегемонию. В конце 20 – начале 30-х гг. XV в. политическая сцена несколько стабилизировалась, и расстановка сил выглядела следующим образом.

На левом фланге находились радикальные гуситские объединения: табориты и сироты, которым принадлежала решающая роль в жизни страны. Таборитский союз был весьма последовательным в религиозной сфере, стремился приблизить повседневную жизнь к библейскому образцу, подверг существенной ревизии догматику и литургическую практику в соответствии с критериями «божьего закона» и создал собственную церковную организацию, практически независимую от римской церкви. Влиятельные позиции в жизни союза принадлежали гуситскому духовенству, выдвинувшему группу идеологов во главе с Микулашем Бискупцом из Пельгржимова, взгляды которых представляли собой симбиоз учения Яна Гуса и Якоубека из Стржибра с народным еретичеством. Политические лидеры Табора, среди которых доминировала личность Прокопа Голого (Великого), в своей тактике отдавали предпочтение комбинации военного и политического давления.

Территориально сфера влияния таборитов охватывала в основном южную и юго-западную Чехию, при этом они контролировали и ряд стратегически важных пунктов в других чешских краях, в Моравии, Силезии и на словацких территориях Венгерского королевства. Структурно таборитский союз представлял собой своеобразную конфедерацию, отдельные элементы которой сохраняли значительную самостоятельность и соперничали между собой. В частности, значительное место в рамках союза принадлежало собственно городу Табор, но под его прямым контролем находилась только ближайшая округа. Автономное положение занимало объединение королевских городов с центром в Писеке. Союзниками Табора выступали, по убеждению или против своей воли, многие представители южно-чешского панства и низшей шляхты. В любом случае, союзнические отношения с таборитами, давали им возможность сохранить свои владения и с выгодой для себя участвовать в военных походах.

Наиболее влиятельной военной и политической силой таборитского союза являлась «полевая община», сформировавшаяся в 1424–1426 гг. Во главе полевого братства стоял в качестве «духовного администратора» выдающийся политик и дипломат священник Проккоп Гольий. Ядро братства образовывало постоянное войско (4000–6000 воинов), подчиненное верховному гетману. Под прямым контролем полевой общины находился ряд городов Чехии и гарнизонов в соседних странах.

Почти таким же мощным был и восточно-чешский гуситский союз, созданный Яном Жижкой, за которым после его смерти закрепилось название сиротского братства. Если табориты отличались радикализмом в религиозной сфере, то конфессионально более консервативные сироты были бескомпромиссны в политическом отношении. Их вожди отдавали безусловное предпочтение насильственным действиям и, по примеру Жижики, оставляли за собой право карать каждого, кто, по их мнению, отступал от «истин» Четырех пражских статей.

Сфера влияния сиротского союза находилась в восточной и северо-восточной Чехии (Градец Кралове, Часлав, Колин и другие города; с 1429 г. – Новое Место Пражское). Главная заслуга в ее создании и расширении принадлежала постоянному полевому войску, насчитывавшему от 2000 до 4000 воинов. Во главе полевого братства стояли так же, как у таборитов «духовный администратор» и верховный гетман. Сироты также имели гарнизоны в Чехии, Моравии и Словакии.

Подобно таборитскому объединению, восточно-чешский союз являлся конфедерацией городов и дворянства при решающей роли полевого братства, но в отличие от Табора здесь позиции шляхты были существенно сильнее, а влияние гуситского духовенства значительно меньшим.

На начальном этапе революции наиболее влиятельным гуситским объединением был пражский союз, с которым сотрудничала значительная часть гуситского дворянства. В отличие от таборитской и восточно-чешской «федераций», Прага строила свой городской союз на централистском принципе, узурпировав права короны, но внутренняя борьба постепенно снижала его значение. Падение диктатуры пражских радикалов во главе с Яном Желивским в 1422 г. привело к власти консервативных гуситов, идеологически представленных частью университетских магистров, которые признавали Четыре пражские статьи, но при этом стремились к достижению быстрого консенсуса с римской церковью и были готовы идти на принципиальные отступления от гуситской программы. Политическая стабилизация режима правого крыла была связана с именем князя Зигмунда Корибута (Корибутовича), племянника великого князя литовского Витовта, впервые появившегося в Чехии в апреле 1422 г. в рамках дипломатических шагов, связанных с попытками реализовать идею польско-литовской кандидатуры на чешском троне. В июле 1424 г. Корибут по собственной

инициативе вновь прибыл в Чехию с польско-литовско-русской дружиной и встал во главе пражского гуситского союза. Дрейф консервативного пражского крыла к блоку с католическим лагерем привел к перевороту в апреле 1427 г., который вернул столицу королевства в руки умеренных гуситов. В политическом отношении это привело к фактическому распаду союза и долговременному отказу от самостоятельной политической линии. Новое Место примкнуло к сиротам, а староместские лидеры стремились опереться на поддержку таборитского полевого братства. Однако в религиозной сфере Прага сохранила самостоятельность, что являлось безусловной заслугой магистра Яна Рокицаны, главного идеолога «центристского» направления в гусизме. Рокицана прочно стоял на позициях Четырех пражских статей в умеренной трактовке. Он стремился к компромиссу с католической церковью, но при условии взаимных уступок и сохранения основного ядра гуситской программы. С другой стороны, выступая непримиримым критиком радикальной идеологии, он был готов к политическому взаимодействию с таборитами и сиротами. Такая политика долгое время обеспечивала тесное и успешное сотрудничество левого крыла и гуситского «центра».

Католический лагерь в Чешском королевстве к началу 30-х гг. XV в. находился в затяжной и глубокой «обороне», хотя католикам и удавалось удерживать компактные территории на западе страны (Пльзеньский край) и в южной Чехии (владения Ольдржиха из Рожмберка и Ческе Будейовице). Ситуация в других землях Чешской короны выглядела иначе. Верхняя и Нижняя Лужицы, большинство силезских княжеств и королевский город Вроцлав заняли однозначно антигуситскую позицию, признавая Сигизмунда Люксембургского законным чешским королем и главой земель Чешской короны. Большой сложностью отличалась обстановка в Моравии. Крупнейшие города маркграфства (Брно, Оломоуц, Зноймо, Иглава), в которых преобладало немецкое население, активно выступили на стороне католического лагеря. Крестьянско-плебейское течение осталось в истории моравского гусизма лишь кратким эпизодом, а его специфику определило доминирующее положение дворянства. При этом одна часть гуситской шляхты действовала совместно с чешскими радикальными союзами и их гарнизонами в Моравии, а другая сотрудничала с католиками в местных органах власти, установленных Сигизмундом Люксембургом и Альбрехтом Габсбургом. Ситуацию осложняла своеобразная, действовавшая на свой страх и риск группа «иноземных» гуситов литовского, польского, русского, а в последствии и словацкого происхождения, большинство из которых появилось в чешских землях вместе с Сигизмундом Корибутом.

Так или иначе, предложенная упрощенная схема показывает, что при всех успехах гуситам не удалось полностью подчинить своему контролю даже территорию чешского королевства, не говоря уже о других землях короны святого Вацлава. Гуситы были убеждены в самоочевидности «спасительных истин» Четырех пражских статей и уделяли большое внимание пропаганде своих идей, неустанно добивались организации авторитетной публичной дискуссии, в которой они намеревались доказать свою правоту всему христианскому миру. Но в условиях враждебного окружения и непримиримого отношения католической церкви к «чешским еретикам» стало очевидным, что судьба революции неизбежно будет решаться на поле боя.

В 1420–1422 гг. объединенные гуситские силы успешно отразили внешнюю интервенцию. Стратегия насильственной реализации общеобязательного вероучительного кодекса продемонстрировала свою эффективность, и приверженцы «закона божьего» превратились в «божьих воинов», без колебаний проливавших свою и чужую кровь за открывшиеся им истину и идеалы.

Последовали ожесточенные столкновения с чешскими противниками чаши, которые обеспечили распространение гуситской программы на большей части королевства. Затем нараставшие противоречия привели к вооруженному конфликту внутри гуситского лагеря, победителями которого к концу 1424 г. стали радикальные течения, опиравшиеся на постоянные войска полевых братств. В июне 1426 г. объединенные войска гуситских союзов одержали убедительную победу над войсками католических интервентов из Саксонии и Мейсена в битве при Усти-над-Лабем. Летом 1427 г. был организован третий крестовый поход против «чешских еретиков», но паническое бегство крестоносцев от Тахова заставило католическую Европу надолго отказаться от попыток вооруженным путем подавить гуситское движение.

Гуситы переходят в наступление и переносят боевые действия за пределы чешского королевства. Первые заграничные походы были предприняты уже в 1425–1426 гг., но регулярный характер приобрели с 1428 г. Цели продуманной и систематической стратегии зарубежных рейдов, творцом которой вероятно был вождь таборитского полевого братства Прокоп Великий, не были однозначными. С одной стороны, это были превентивные военные операции с целью предотвратить вторжения иностранных армий в Чехию и создать опорные пункты на территории противника. Нельзя сбрасывать со счетов идеологические и пропагандистские мотивы: распространение гуситского учения, стремление силой принудить католическую церковь к переговорам и к публичному обсуждению «евангельских правд». Однако основная причина перехода к наступательной стратегии крылась в общем военно-политическом и экономическом положении, главной проблемой которого стало содержание профессиональных полевых войск. По самым приблизительным подсчетам на это требовалось в пересчете от 8 до 15 тонн чистого серебра ежегодно! А кроме полевых войск существовали еще дружины гуситских и католических феодалов, а также воинские формирования отдельных городов. Гуситские союзы просто не располагали такими средствами, позднесредневековая экономика не давала возможности содержать тысячи людей, для которых война стала постоянной или временной профессией.

Существовали два возможных выхода из такой ситуации. Можно было по-прежнему рассчитывать на внутренние ресурсы и еще более обескровить чешскую экономику, но это противоречило здравому смыслу и вело страну к катастрофе. Особенно опасной была практика так называемых «гольдов», т.е. насильственных реквизиций у крестьян (невзирая на их конфессиональную принадлежность) денег, продовольствия и фуража, которая грозила поставить сельское население против революции. Поэтому гуситские политики избрали иной вариант и решили организовать заграничные военные походы, которые должны были обеспечить как содержание полевых войск за счет противника, так и прорыв экономической блокады.

В январе-мае 1428 г. табориты и сироты при поддержке пражских и моравских отрядов предприняли большой поход в Силезию. Пройдя через Моравию, они вторглись на словацкие территории венгерского королевства, сожгли предместья Прессбурга (Братиславы), а затем повернули на север, неожиданно появившись в Силезии. Используя фактор внезапности, гуситы захватили ряд городов, осадили Вроцлав и с богатой добычей вернулись в Чехию.

Под рождество 1429 г. началась крупнейшая заграничная экспедиция соединенных гуситских армий. Пятью колоннами Прокоп Голый повел войска через Мейсен, Франконию в Верхний Пфальц к Нюрнбергу. Имперские города и князья, не решаясь вступить в бой, уплачивали огромные суммы выкупов. Курфюрст Фридрих Гогенцоллерн заключил перемирие с гуситами в замке Бехаймштайн и обязался организовать свободную дискуссию о гуситской программе в Нюрнберге. В феврале 1430 г. победоносные гуситские войска возвратились в Прагу.

Не все походы были настолько удачными. Например, сироты, предпринявшие в апреле 1430 г. поход в Словакию, натолкнулись на хорошо организованную оборону, которой руководил лично король Сигизмунд, и в битве у Трнавы с трудом избежали поражения.

Разгром пятого крестового похода в битве у Домажлиц (14 августа 1431 г.) окончательно похоронил надежды на насильственное искоренение «чешской ереси». Базельский собор переориентировался на мирное решение чешского вопроса. Впервые в истории католическая церковь была вынуждена пойти на равноправные переговоры с закоренелыми еретиками.

Тем временем (октябрь–ноябрь 1431 г.) табориты и сироты вторгаются в Словакию. При разделе добычи возникли противоречия, и табориты во главе с Прокопом Голым возвратились в Чехию. Сиротский гетман Ян Чапек из Сан продолжал операции в Поважье и в конечном итоге попал в безвыходную ситуацию. Полевые войска сирот в тяжелых арьергардных боях были практически разгромлены венгерской армией, потеряв две трети воинов.

В 1432–1433 гг. проходят сложные, и пока безрезультатные переговоры между представителями гуситских союзов и Базельским собором. В истощенной многолетней войной Чехии явное преобладание получают мирные настроения, но заграничные экспедиции радикальных братств продолжают с роковой неизбежностью, которая обуславливалась самим фактом существования профессиональных полевых войск.

Весной и летом 1433 г. табориты предпринимают вторжение в северную Словакию, захватывая богатые спишские города, а сироты успешно воюют на службе у польского короля против Тевтонского Ордена. Тем не менее, полевые войска оказываются во все более усиливающейся политической изоляции, являясь главным препятствием мирного урегулирования отношений с католической Европой. Создается коалиция умеренных гуситов и чешских католиков, которая наносит радикальным братствам решающее поражение в битве у Липан 30 мая 1434 года⁵.

Липанами не завершилась гуситская эпоха и не закончилась история чешской реформации. Решающие позиции в стране заняло умеренное гуситское крыло, которое через два года добилось компромиссного соглашения с императором Сигизмундом и Базельским собором и сумело отстоять основные завоевания гуситской революции. Впереди была «Подебрадская эпоха» и Кутногорский религиозный мир 1485 г., а также последующая эволюция гусизма в его утраквистской и чешско-братской версиях вплоть до исторической встречи с европейской Реформацией XVI столетия.

Нет необходимости останавливаться подробно на этих процессах и событиях, поскольку они не имеют прямого отношения к нашему герою, авантюрные похождения которого будут теперь, надеюсь, более понятными, хотя сложности возникают уже просто при употреблении его имени. Существует устойчивая тенденция называть князя Фридриха Федором. Например, П. Чорней, пишет о князе Федоре из Острога, которого «в Чехии и Моравии, кто знает почему, называли Фридрихом, а в землях польско-литовской унии Федько»⁶. Действительно, немецкое имя для русского по происхождению кажется необычным, но это не должно нас смущать. Имя «Фридрих», хотя и не часто, но встречается в русско-литовской генеалогии⁷. Как увидим, в источниках любого происхождения он всегда выступает как Fridrich (Fredericus, Fridericus, Fryderyk), и сам всегда так подписывается. Здесь приведем только один пример. Хроника Яна Длугоша четко различает князя Русского Фридриха и Федька (Теодора) из Острога⁸. Это два разных человека. Их отождествление, хотя и выглядит заманчиво, поскольку они были современниками и использовали сходные предикаты («Острожский», «из Острога»), но ведет по ложному пути. Упомянутый Федько из Острога –

весьма загадочный персонаж, в представлениях о котором царит полный хаос. Польские и часть украинских историков считают, что речь идет о князе Федько Несвижском, а в кругах специалистов по генеалогии десятилетия не утихает затяжной спор о правомерности отождествления Федька Несвижского с литовским князем Федором Корибутовичем – родным братом известного Зигмунда Корибута!⁹ Наконец, сопоставление хронологии упоминаний в источниках позволяет хотя бы в одном случае констатировать, что потенциальные «сиамские близнецы» одновременно находились в разных местах. В апреле–мае 1434 г., когда Фридрих Острожский предпринял поход на Дунаец и Липтов, Федько с татарскими отрядами готовился в очередной раз вторгнуться на русско-литовское Подолье¹⁰.

Неправомерным представляется и бытующее до сих пор мнение, отождествляющее Фридриха Острожского с крупным волынским магнатом князем Федором Даниловичем Острожским, права которого на Острог были закреплены Владиславом Ягелло в 1386 г. В тридцатые годы XV в. ему было уже под семьдесят лет – возраст, едва ли соответствовавший авантурным похождениям в Чехии, Словакии и Польше, которые связаны с именем князя Фридриха. Федор Данилович умер глубоким старцем в киевском монастыре и был причислен к лику святых православной церкви. Это заманчивый сюжет для исторического романа, но в реальности наш кондотьер вряд ли мог надеяться на канонизацию¹¹.

Думаю, что есть все основания в дальнейшем называть этого русского князя именно **Фридрихом** и отказаться от стремления «русифицировать» его имя.

С родословной Фридриха связана еще одна проблема. Со времен Ф. Палацкого однозначно принято считать, что он происходил из известного волынского рода князей Острожских¹². Однако ситуация не так проста, как кажется. В последние годы на Украине опубликованы фундаментальные труды по генеалогии княжеских династий восточной Европы IX–XVI вв., в том числе и Острожских¹³. При их внимательном изучении становится ясным, что для князя Фридриха практически нет места в генеалогическом древе Острожских. Стремление представить его как сына уже упоминавшегося Федора Даниловича выглядит неубедительно и ведет к появлению в генеалогических таблицах фантастической «гибридной» фигуры Федора-Вацлава Острожского или все к тому же, хотя и слегка затушеванному, отождествлению Фридриха с Федько Несвижским¹⁴. Дело в том, что генеалогическое изучение истории Великого княжества Литовского связано с большими трудностями. Состояние источниковой базы таково, что украинские ученые правомерно жалуются на «имперсональность» литовско-польского периода своей истории¹⁵. Применительно к Острожским внимание специалистов естественно концентрируется на фигурах крупнейших представителей династии конца XV – XVI вв. – «некоронованных королей Руси», выдающихся полководцев, меценатов и защитников православия. В то же время ранняя история рода находится на уровне довольно туманных гипотез. Даже по поводу происхождения Острожских существует несколько конкурирующих концепций. Одна из них выводит их истоки от Галицкой ветви Рюриковичей через волынских Мономаховичей – Романовичей, наследников Романа и Даниила Галицких (это соответствует родовой традиции Острожских, так считал и Ф. Палацкий). Другая концепция говорит, что их предками были турово-пинские Рюриковичи–Изяславичи, а третья настаивает на том, что основатель рода Даниил из Острога (умер около 1366 г.) происходил из династии литовских князей и был правнуком Гедимина¹⁶. Поэтому вполне возможно, что в ходе дальнейших исследований Фридрих Острожский обретет свое место в генеалогии этой славной семьи. Тем более, что тому имеется ряд косвенных и прямых подтверждений. Не вызывает сомнений его княжеский титул. При этом очевидно, что речь

идет о владетельном удельном князе: Фридрих часто подписывается как «*божьей милостью (dei gratia) князь Русский*»¹⁷ (выделено – А.Р.). Именно Волынь представляла собой своего рода конфедерацию удельных княжеств, а многочисленный слой титулованной аристократии, с присущей ему ментальностью «государей милостью божьей», являлся носителем идеи суверенной государственности¹⁸. Сохранилось и практически бесспорное свидетельство принадлежности князя Фридриха к династии волыньских Острожских. В 1438 г. он выдал польскому королю Владиславу расписку с печатью, на которой ясно виден герб князей Острожских¹⁹. Тем не менее, некоторые сомнения остаются. В источниках Фридрих почти всегда именуется «князем Русским», «из Руси», и лишь в некоторых случаях к этому добавляется «Острожский» или «из Острога». Сам титул «князь Русский» выглядит странно, поскольку Острожские его не использовали. Геополитическое понятие «Русь» в это время относилось скорее к Галиции (княжество или королевство Русское), вошедшей в состав польских коронных земель, а не к Волыни, принадлежавшей Великому Княжеству Литовскому. На титул «князя Русского» могли претендовать венгерские и польские короли, боровшиеся за контроль над Галицией, но не удельный Острожский князь²⁰. Обращает на себя внимание и тот факт, что в документах к основному титулу Фридриха иногда добавляется название владений, которые он в данный момент контролировал или которые находились у него в держании, например, «Фридрих, божьей милостью князь из Руси, пан на Весели», «*dux de Silina*» и др.²¹. Поэтому не может быть окончательно отброшено предположение Ладислава Госака, что титул «Острожский» следует выводить от моравского Острога, который определенное время находился у Фридриха в держании²².

Много неясностей связано также с обстоятельствами и мотивами появления Фридриха Острожского в Чехии. Длугош пишет, что он долгое время жил там, переняв «образ жизни, язык и обычаи чешские». При этом вряд ли следует особенно доверять утверждению о том, что Фридрих бежал с родины из-за «разных преступлений»²³. Хорошо известно, что труд Я. Длугоша, при всех своих достоинствах, во многих случаях отличается предвзятостью и необъективностью, переходящей в ненависть ко всему «гуситскому». В тогдашней католической Европе сложился негативный стереотип «чешского еретика-гусита», в котором заметное место принадлежало и представлению о том, что гуситская Чехия стала убежищем всевозможных криминальных элементов²⁴. Думаю, что у Фридриха могла быть более серьезная и реальная мотивация, связанная, например, со спецификой наследственного права в русских землях Литвы и Польши. Утратив в силу тех или иных причин право наследования, князь становился «изгоем». Князь-изгой полностью выпадал из системы структурированного общества, что означало для него личную катастрофу²⁵. Не исключено, что именно поэтому Фридрих не фигурирует в генеалогии Острожских. Свою роль могла сыграть также целенаправленная политика литовских и польских государей по ликвидации удельных княжеств, а также усиливающееся неравноправие православных аристократических родов²⁶.

Общепринято, что Фридрих Острожский прибыл в Чехию вместе с князем Зигмундом Корибутом (имеется в виду второй период его активной деятельности в стране 1424–1427 гг.)²⁷. Иногда его считают одним из «близких соратников» литовского принца²⁸. Действительно, логика событий с трудом допускает, чтобы русский князь мог появиться в чешских землях иным путем. Безусловно, Зигмунд и Фридрих вращались в одном кругу и лично знали друг друга²⁹. Настораживает, однако то, что источники практически не дают сведений о них и их сотрудничестве. Деятельность Корибута в гуситской Чехии по преимуществу связана с Прагой, а Фридриха –

с радикальными братствами. Очевидно, что Фридрих Острожский не имел отношения к ключевым для Сигизмунда Корибута событиям. Мы ничего не знаем о его участии в известных событиях 1427 г., связанных с неудавшейся попыткой переворота в Праге, предпринятой Корибутом. Он никак не проявил себя в польско-чешских контактах в тридцатые годы XV в., активным посредником в которых выступал князь Зигмунд. Они не участвуют совместно в военных походах. Наконец, Фридрих не был с Зигмундом в роковой для последнего битве у Вилькомира 1435 г. Единственная специальная монография, посвященная Зигмунду Корибутовичу, не приносит никаких новых данных в этом отношении³⁰. Принятое ранее мнение об участии князя Русского в составе войск Корибута в битве при Усти 1426 г. в свете новейших исследований может быть поставлено под сомнение³¹. Сохранилось, правда, не совсем ясное упоминание в письме Альбрехта Австрийского к польскому королю от 1428 г. о том, что «Зигмунд и Фридрих, князья литовские», объединились с чешскими еретиками и вновь укрепились в некоторых местечках по соседству с маркграфством моравским³². Но это сообщение не является доказательством о совместной военной экспедиции. Эти обстоятельства, а также, как увидим, весьма специфические отношения Фридриха из Острога с королем Сигизмундом Люксембургом и его окружением, дают некоторые основания говорить о возможности его появления в Чехии через Галицию и Червонную Русь, где у венгерских королей были вполне конкретные интересы³³.

Так или иначе, но первое достоверное упоминание о нем в чешских источниках относится к 1424 г. и содержится в городской книге Чешского Брода. Фридрих Острожский мог быть некоторое время гетманом в этом городе или в принадлежавшем к сиротскому братству Чаславе³⁴.

Здесь мы впервые сталкиваемся с характерной для русского князя особенностью быть одновременно в нескольких местах. Известно, что в южно-моравском городе Бржецлаве в 1426 г. стоял гуситский гарнизон, который в августе был осажден австрийским эрцгерцогом Альбрехтом Габсбургом. Табориты Прокопа Голого в ноябре этого года пришли на помощь осажденным, а затем перенесли военные действия на территорию Австрии³⁵. При этом в источниках Фридрих Острожский упоминается в качестве одного из гетманов бржецлавского гарнизона наряду с известным таборитским священником Бедржихом из Стражнице³⁶. Но в знаменитой «Песне о битве при Усти» (*Píseň o bitvě před Ústím*) также говорится, что «князь Фридрих Русский» был активным участником этого сражения в июне 1426 года³⁷. Ряд исследователей, исходя из этого, совершенно логично полагали, что Фридрих не мог находиться в Бржецлаве до битвы у Усти над Лабем, а, скорее всего, пришел позже вместе с таборитами и был назначен на гетманскую должность непосредственно Прокопом Голым³⁸. Однако весьма убедительная гипотеза П. Чорнея о позднем происхождении «Песни» (в последней трети XVI в.) ставит под сомнение ее достоверность как исторического источника, в том числе и конкретные имена участников битвы, которыми изобилует этот памятник и которые больше соответствуют политическим реалиям периода борьбы за «Чешскую конфессию», чем эпохе гуситской революции³⁹. Если, таким образом, единственное свидетельство об участии Фридриха Острожского в битве при Усти утрачивает репрезентативность, следовательно он вполне мог находиться в Бржецлаве уже с момента его захвата гуситами (начало 1426 г.). Фридрих вместе с Бедржихом из Стражнице принимал участие в тайных контактах с земским маршалам Нижней Австрии графом фон Майссау, которые начались еще до взятия Бржецлава гуситскими войсками и способствовали неудаче операций Альбрехта Габсбургского в Моравии. В 1427 г. Альбрехт предал маршала суду по обвинению в тайном сговоре и пособничестве Бедржиху из Стражнице и Фридриху из Острога. Сохрани-

лось свидетельство о том, что оба гуситских гетмана были крайне обеспокоены арестом маршала⁴⁰. Примечательно также, что в период гетманства Фридриха Острожского все окрестности Бржецлава и даже некоторые нижнеавстрийские земли были охвачены системой так называемых «holdů», которая давала достаточные финансовые средства на содержание бржецлавского гарнизона⁴¹.

Весной 1428 г. Фридрих еще был гетманом в Бржецлаве и принимал активное участие в походе гуситских войск в Словакию и Силезию, являясь одним из «старших войск таборских и сиротских». В этом качестве он подписывает как «Fredericus dei gracia dux Russie alias Ostroch» охранную грамоту, выданную представителям города Мюнстерберга 22 марта 1428 года⁴². Однако вскоре князь резко меняет ориентацию и оказывается на службе у короля Сигизмунда!

Согласно сохранившимся записям в одном из королевских регистров в 1428 г. Фридрих Острожский получает в залог от короля панство Весели над Моравой: «... замок и местечко Весели... в Моравии записано и заложено за 4000 венгерских золотых князю Фридриху из Руси»⁴³. В братиславском архиве имеется свидетельство от 5 октября 1429 г. (по датировке В. Халоупецкого), выданное лично князем, в котором он именуется «Фридрих, божьей милостью князь из Руси, пан на Весели»⁴⁴. Видимо, приблизительно в это время он получил в держание также и моравский Острог от Стибора из Стибориц (младшего), крупного венгерского магната и приближенного Сигизмунда Люксембургского, которому была поручена оборона северо-западных границ Венгрии⁴⁵. Во всяком случае, из завещания Стибора от 4 сентября 1431 г. следует, что к этой дате Острог уже находился в распоряжении князя Фридриха: «А также наш замок Остров на Мораве, который держит от нас князь Фридрих из Руси... Равным образом этот князь Фридрих имеет от нас в залоге местечко Бзенец с обязательствами на тысячу золотых...»⁴⁶.

При этом Фридрих из Острога отнюдь не намеревался вести жизнь сельского помещика и в ноябре 1429 г. напал на гуситский гарнизон в Угерском Броде, который спасся лишь благодаря своевременной помощи моравских гуситов во главе с Яном Товачевским⁴⁷. Затем он появляется в Братиславе в непосредственном окружении короля Венгрии. Известно, что 6 января 1430 г. он присутствовал при конфирмации одной из грамот Сигизмунда⁴⁸.

Весной 1430 г. полевые войска сирот, предпринявшие поход в западную Словакию, попали в очень сложную ситуацию. Во время затяжной битвы у Трнавы, когда напряжение достигло предела, венгерский отряд сумел пробиться внутрь возового укрепления, что поставило гуситов на грань поражения. Сохранилось два сообщения об этой битве. Эберхард Виндеке считает, что этим отрядом командовал Стибор из Стибориц, а в сообщении князя Конрада Олешницкого говорится, что его возглавлял князь Фридрих Острожский (Fridericus dux Russiae)⁴⁹. В результате мнения специалистов разделились. Б. Варсик больше доверяет Конраду Олешницкому и воздает должное Фридриху из Острога, Ф.М. Бартош выходит из положения так, что пишет о совместной атаке Стибора и Фридриха, Д. Дворжакова ни словом не упоминает о Фридрихе и приписывает все заслуги Стибору из Стибориц, хотя ссылается именно на книгу Б. Варсика, а для Ф. Шмагела ситуация остается под большим вопросом, поскольку за несколько дней до этого Фридрих Острожский якобы разграбил монастырь в Ченстохове и участвовать в битве у Трнавы физически не мог⁵⁰.

Действительно, от Ченстоховы до Трнавы около 400 километров, битва проходила 23–28 апреля, а нападение на Ченстохову произошло 16 апреля 1430 г. При всем желании, Фридрих не мог героически сражаться с гуситами и практически одновременно грабить монастырское добро! Единственное свидетельство о его участии в напа-

дении на монастырь дает Длугош, которому, на мой взгляд, не следует в данном случае особенно доверять⁵¹. Он пространно и с возмущением повествует об осквернении известного паломнического центра, особенно чудотворной иконы Божьей Матери рыцарями-разбойниками из «числа шляхты польской», которые стремились свалить вину на таборитов, оперировавших в это время в соседней Силезии. Хронист с удовлетворением отмечает, что большинство участников злодеяния схвачено, а многих уже постигла божья кара. Называются имена главарей – малоизвестных польских дворян, которых король Владислав заточил в башне Краковского замка. А в заключение – неожиданная краткая приписка: «а также князь Русский Фридрих», которая как-то не ложится в контекст всего пассажа. Фридрих не относился к числу «польской шляхты», не был схвачен, и божья кара его не постигла. Ни раньше, ни позже мы не встречаем Фридриха в обществе преступников, имена которых приводит Длугош. Люди его уровня – князь Зигмунд Корибут, Добеслав Пухала и др. с большой пользой для себя участвуют в это же время в таборитском походе в Силезию⁵². Князь Острожский вполне мог быть вместе с ними, тем более, что такой опыт у него уже был в 1428 г. Вряд ли бы он предпочел разбойное нападение на монастырь в весьма сомнительной компании. Весь контекст событий первой половины 1430 г. подтверждает, что Фридрих не мог находиться в это время в Польше и, скорее всего, участвовал в битве у Грnavы.

Затем следы князя Острожского пропадают на несколько лет. Предположение о том, что он находился в Литве, поддерживая Свидригайло в борьбе за великокняжеский престол⁵³, вряд ли обоснованно. Очевидно, там действовали Федько Несвижский или князь Федор Данилович Острожский.

Тем временем в судьбе Фридриха происходит очередной крутой вираж. В 1433 г. он снова появляется в Словакии, причем в качестве гетмана таборитского гарнизона в Жилине, где он именуется «Fridericus dux de Sylina». Когда он вновь установил союзнические отношения с гуситами неизвестно, но логика событий заставляет предположить его участие в крупнейшем походе таборитов на Спиш весной 1433 г., хотя документальных подтверждений этому нет⁵⁴.

Неугомонный князь проявил активность и в своей новой роли. Он предпринял тщательно спланированную акцию совместно с гуситскими гарнизонами в Топольчанах, Ликаве и, вероятно, Жилине⁵⁵, причинив немало хлопот польскому королю Владиславу Ягелло, который готовился встретить пасху 1434 г. в Кракове. Здесь его настигла тревожная весть: князь Русский Фридрих из Острога во главе чешского отряда идет тайным походом из Моравии, чтобы захватить возвышенность вблизи замка Чорштын на Дунайце, укрепиться там и совершать нападения на словацкие области Венгерского королевства и Польшу. Престарелый государь реагировал на удивление оперативно и решительно. В Страстную пятницу 26 марта 1434 г., несмотря на ненастье, тающий снег и разлившиеся реки, он срочно выслал против него своих придворных рыцарей, которые вытеснили князя с польской территории⁵⁶. Но Фридрих не отказался от своего замысла и двинулся вверх по Вагу, стремясь таким образом пробиться к богатым спишским городам через Липтов. В первой половине апреля 1434 г. он захватил здесь стратегически важный город Ружомберок и начал его укреплять, ожидая подкрепления от гуситского гарнизона в Топольчанах. По сохранившимся свидетельствам его действия вызвали в Словакии большой переполох. Братиславский капитан Юрай из Розганевиц в письме к магистрату Прешпорка (Братиславы) от 12 апреля 1434 г. бьет тревогу и сообщает о том, что гуситы уже проникли в Спиш! Жупан Мармарошской и Спишской столиц требует от города Кремницы срочной посылки войска против князя Фридриха, который укрепляется в Ружомбероке

(письмо от 19 апреля 1434 г.). Не осталась безучастной и находившаяся в Братиславе королева Барбора, супруга венгерского короля и императора Священной римской империи Сигизмунда Люксембургского. 30 апреля 1434 г. она направляет послание магистрату своего венного города Кремницы, в котором настоятельно требует собрать войско и двигаться к Ружомбероку, поскольку «еретики» из Топольчан собираются идти на помощь укрепившимся там гуситам⁵⁷. В конечном итоге королевские войска блокировали гуситский гарнизон в Топольчанах, а Фридрих Острожский так и не смог проникнуть на Спиш и был вытеснен из Липтова⁵⁸.

Больше всего удивляет, что после неудачи этого рейда князь Фридрих спокойно возвращается на свое острожское панство в Моравии. Имеются сведения о его конфликте с горожанами Острога, которых князь рассматривал как своих подданных и облагал тяжелыми повинностями. Жители города жаловались на него императору Сигизмунду, находящемуся в Брно, который и подтвердил горожанам 10 августа 1435 г. некоторые привилегии. В свою очередь и Фридрих, наконец, согласился отменить несправедливые повинности, о чем им была дана соответствующая грамота 15 августа 1435 года⁵⁹. Странная ситуация: Фридрих Острожский вступает в союз с гуситами, совершает военные походы по областям Венгерского королевства и, затем возвращается в свои владения, полученные от Сигизмунда и его сторонников, и спокойно пользуется ими, причем императору об этом известно! Например, по отношению к прежнему владельцу Острога пану Гашеку из Вальдштейна, сотрудничавшему с пражскими гуситами, Сигизмунд не был столь толерантен. Наоборот, он предоставил Альбрехту Габсбургу все полномочия, чтобы отнять у Гашека замок и город Острог любым способом⁶⁰. Возможно, объяснение следует искать в сложных перипетиях политики Сигизмунда в конце 20-х – середине 30-х гг. XV в., связанных с поисками компромисса с гуситами, попытками привлечь на свою сторону великого князя Литовского Витовта и противопоставить его Польше, через которую действовала папская курия⁶¹?

Видимо, после смерти императора Фридрих Острожский постепенно утратил или продал свои владения в Моравии⁶². Во всяком случае, его следы вновь теряются. В этой связи Ф. Палацкий высказал весьма интригующее предположение, подхваченное некоторыми русскими историками: Фридрих Острожский в 1435 г., вероятно, прибыл вместе с Сигизмундом Корибутом в Литву и присоединился к Свидригайло. В решающей битве 1 сентября 1435 г. Свидригайло был разбит, Корибут погиб, а Фридрих с остатками своего таборитского отряда якобы бежал на юг Руси, где и встал у истоков формирования украинского казачества⁶³! Это мнение не выдерживает критики по многим основаниям, но, прежде всего, потому, что в 1438 г. князь Фридрих Острожский вновь появляется в Польше, где участвует во внутренней борьбе поддерживая польского магната Спытека из Мельштына, известного своими контактами с гуситами (Длугош сообщает о их совместном нападении на панство Ушев)⁶⁴. В июне этого же года со значительным отрядом в 200 всадников он принимает участие в походе польской армии в Чехию для поддержки кандидатуры польского принца Казимира на чешский трон. 4 июля 1438 г. в Кракове «Fredericus dux de Ostrorog» выдал польскому королю Владиславу расписку в получении платы за участие в этой неудавшейся экспедиции⁶⁵. В конце 1438 г. Фридрих Острожский во главе польского отряда оперировал в Гемерской столице (Словакия), где захватил замок Геде и успешно защищал его до весны следующего года⁶⁶. Наконец, весной 1439 г. русский князь имел отношение к группировке бывших гуситских гетманов, действовавших на моравско-словацком пограничье против Гаспара Шлика, канцлера императора Сигизмунда и владельца голичского панства в Словакии. В частности, в письме голичского

кастеляна Гануша из Клуksа сообщается о том, что князь Фридрих «von Rausen» вместе с Вилемом Пуклицей располагает 400 всадниками с боевыми возами и пушками⁶⁷.

Это последнее известие о Фридрихе Острожском, если не считать отдаленного эха: в 1460 г. среди гетманов известного чешского кондотьера Младванека, действовавшего в Австрии, упоминается некий «Вацлав, герцог Острожский из Руси» – возможно, сын или родственник нашего героя⁶⁸.

Попытавшись проанализировать скудные данные источников о Фридрихе Острожском и систематизировать эпизодические упоминания в литературе, мы получили на финише больше вопросов, нежели готовых ответов. Тем не менее, затраченные усилия имеют смысл, поскольку позволяют снять некоторые необоснованные утверждения, исправить неточности и ошибки связанные с именем этого по-своему примечательного и яркого персонажа гуситской эпохи. Бросается в глаза, насколько легко переходит Фридрих с одной стороны баррикады на другую. Очевидно, это связано с тем, что он – профессиональный воин, кондотьер, располагающий, как правило, значительным вооруженным отрядом. При этом речь идет о «чистом», можно сказать, экзemplярном типе кондотьера: князь Острожский иностранец, не связанный никакими идейными, групповыми или фамильными обстоятельствами. Его судьба дает весьма интересный материал для понимания некоторых важных деталей, например договорного регулирования военного наемничества и его финансирования. С другой стороны, она весьма показательна и при исследовании более общих процессов, связанных с развитием наемной системы в военном деле в Центральной Европе XV века. Многочисленные сложности и неясности, с которыми мы встретились, прямо ставят вопрос о необходимости компаративных исследований истории международных отношений в центрально- и восточно-европейском регионе этого периода, которые преодолели бы узкие рамки национальных историографий.

Видимо, не имеет особого смысла перечислять все негативные характеристики, которых заслуживает князь Фридрих, важнее другое: насколько уникален этот персонаж, насколько его качества определялись тем, что это был чужеземный авантюрист, неведомо как оказавшийся в чешских землях, не имевший там корней и стремившийся любыми средствами выжить в сложной обстановке гуситского времени? Если присмотреться к нему с этой точки зрения, то становится ясным, что «русский гусит» представляет собой весьма типичное явление, порожденное конкретными реалиями эпохи.

Как мы видели, потребности гуситской революции бескомпромиссно продиктовали необходимость создания постоянных, профессиональных войск, без которых революция не достигла бы своих целей, не овладела бы большей частью территории чешского королевства и не принудила бы римскую церковь, императора и соседние страны к переговорам. Однако за каждый успех приходится платить. Главная цель реформирования христианского общества в духе Евангелия не была полностью достигнута, а революционные события принесли с собой такие изменения, которые существенно отличались от представлений вдохновенных проповедников чешской реформации.

В частности, гуситские полевые войска в результате постепенной профессионализации и утраты идейных стимулов стали школой знаменитых чешских наемников, которые до конца XV в. находили себе применение в войсках различных государств Центральной Европы. Понятно, что профессионализация вооруженных сил была общеевропейским, а не чисто чешским процессом. Однако в гуситской Чехии ситуация была гораздо сложнее. Можно говорить о том, что внутри полевых братств сосуществовали два разнородных направления, которые парадоксальная логика революции свела во-

едино и привела к липанской катастрофе: с одной стороны, приверженцы гуситского радикализма, священники и некоторые гетманы, а с другой стороны – профессиональные воины, для которых война стала образом жизни. Гуситские радикалы сражались за свое представление об устройстве общества, а полевые войска хотели воевать, во что бы то ни стало. «Божьи воины» превратились в профессионалов, которых интересовали по преимуществу добыча и собственная выгода. Имел место определенный моральный кризис. Происходила постепенная утрата идеалов, переход от бурного революционного времени к практической реальности повседневной жизни, когда большинство гуситских гетманов и рядовых воинов пришли к выводу, что наиболее желанным результатом гуситских войн является накопление имущества и вольная жизнь независимого воина, наемника, предлагающего свои услуги тому, кто в состоянии заплатить. Все эти тенденции и процессы как в зеркале отразились в личной судьбе «русского гусита» князя Федора Острожского.

Примечания

- ¹ Antoni Prochaska. Napad husytów na Częstochowę w 1430 r., *Kwartalnik historyczny*, XXI, 1907. S. 310.
- ² Например: *Хойнацкий А.Ф.* Преподобный Феодор, князь Острожский, Древняя и Новая Россия. Т. III. № 9–12. СПб., 1876. С. 5–18.
- ³ Miroslav Svoboda. Břeclav za husitských válek, in: *Město Břeclav*. Brno, 2001. S. 144–145.
- ⁴ František Šmahel. Husitská revoluce III. Praha. 1993. S. 226–227; IV. Praha, 1993. S. 136; František Šmahel. Dějiny Tábora 2. České Budějovice. 1990. S. 382, 407.
- ⁵ Предшествующее изложение основано как на собственных изысканиях автора, так и на новейших обобщающих работах зарубежных и российских исследователей. Укажем лишь некоторые из них: *Лангева Л.П.* Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990; *Рандин А.В.* Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994; Чешская и немецкая Реформация (некоторые аспекты взаимодействия) // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 130–166; Церковь в теории и практике чешской Реформации // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008; Knieža Fridrich Ostrožský. Ruský kondotier v husitských Čechách a na Slovensku // Husitský Tábor. Sborník Husitského Musea. 15. Tábor, 2005. S. 231–255; František Šmahel. Husitská revoluce. I–IV. Praha, 1993; Dějiny Tábora 2, České Budějovice 1990; Husitské Čechy. Struktury, procesy, ideje. Praha, 2001; Petr Čornej. Velké dějiny země Koruny české. V. 1402–1437. Praha; Litomyšl, 2000; Jiří Jurok. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce, České Budějovice, 2006; Jiří Kejř. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009; Ferdinand Seibt. Hussitenstidien. Personen, Ereignisse, Ideen einer frühen Revolution. München, 1987; Paweł Kras. Husyci w piętnastowiecznej Polsce. Lublin, 1998; Vladimír Segeš. Od rytierstva po žoldnierstvo. Stredoveké vojenstvo v Uhorsku so zreteľom na Slovensko. Bratislava, 2004; Miroslav Lysý. Husitské vpády do Uhorska v rokoch 1428–1431, *Historický časopis*, 55, 3, 2007. S. 411–432; Vpády husitov a ich posádky v Uhorsku v rokoch 1432–1435, *Historický časopis*, 55, 4, 2007. S. 633–657.
- ⁶ Petr Čornej. Velké dějiny země Koruny české V. 1402–1437. Praha; Litomyšl, 2000. S. 467.
- ⁷ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Т. I. Прага, 1935. С. 304.
- ⁸ Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Tom IV. Ks. XI, XII. Krakow, 1869. S. 370, 486, 539 (Fridrich); 451–454, 481, 488 (Fedko); см. также: Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 4. Київ; Львів, 1907. С. 216–217, 479–480.
- ⁹ См., например: Wolff J. Książowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Kraków, 1895. S. 179, 275–276; Puzyra J. O pochodzeniu kniazia Fed'ka Nieswizkiego, *Miesięcznik heraldyczny* 4, 1911. S. 41–82; Idem: W sprawie Fed'ka Nieswizkiego, *MH* 5, 1912. S. 56–99; Idem: Korybutowicze Nieswizcy. Moje ostatnie słowo w odpowiedzi prof. Semkowiczowi, *MH* 9, 1930. S. 55–89; Prochaska A. Czy możliwa jest identyczność książąt Nieswizkich z Korybutowiczami, *MH* 5, 1912. S. 12–19; Radziwiński Z. W sprawie pochodzenia Fed'ka Nieswizkiego, *MH* 4, 1911. S. 142–145; Idem: Itinerarium ks. Fedora Korybutowicza i ks. Fed'ka Nieswizkiego, *Rocznik Tow. Heraldycznego* 7, 1926. S. 1–156; Semkowicz W. Korybutowicze i Nieświzcy w świetle sfragistyki, *MH* 6, 1913. S. 200–204; Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 378; Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 4. С. 210–211, 215, 217, 479–480; Tęgowski J. Pochodzenie książąt Iwana i Fiodora Nieswickich, *Genealogia* 7, 1996. S. 125–135.
- ¹⁰ Jan Długosz IV. S. 488.
- ¹¹ Максимович М.А. Письма о князьях Острожских // Собр. соч. Т. 1. Киев, 1866. С. 164–195; Хойнацкий А.Ф. Преподобный Феодор, князь Острожский. С. 9–18; Історія України в особах. Литовсько-Польська доба. Київ, 1997. С. 69; Критически по этому поводу см.: Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 303.

- ¹² *František Palacký*. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě III. Praha, 1939. S. 259.
- ¹³ *Войтович Леонтій*. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ, 1992; *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000 (elektronická verzia: <http://litopys.narod.ru/dynasty/dynbibl.htm>); Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
- ¹⁴ *Войтович Леонтій*. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. С. 91; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта. С. 275–276.
- ¹⁵ Історія України в особах. Литовсько-Польська доба. С. 3–4.
- ¹⁶ *Соболев Л.В.* Генеалогическая легенда князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–45.
- ¹⁷ *Středověké listy ze Slovenska*. Sbíрка listů a listin, psaných jazykem národním, ed. Václav Chaloupecký. Bratislava; Praha 1937. S. 4; Colmar Grünhagen (ed.). *Geschichtsquellen der Hussitenkriege*, Scriptorum rerum Silesiacarum VI, Breslau 1871. № 81. S. 59; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436. I. Praha, 1873. S. 602.
- ¹⁸ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 4. С. 159; Т. V. С. 27–33; *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.), 7. 8. Князі і традиції державності.
- ¹⁹ Текст документа повністю опублікован Первольфом Й.: *Pervolf Josef*. Příspěvky k českým dějinám XV–XVI století, Časopis Musea Království Českého LIV, 1880. S. 403. См. также: *Pervolf Josef*. Čechové a Poláci v XV a XVI století, Osvěta III–I, 1873. S. 768; *Первольф И.* Фридрих князь Острожский, Древняя и новая Россия I, № 1–3. С. 220.
- ²⁰ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 4. С. 100–125.
- ²¹ *Středověké listy ze Slovenska*. S. 4; List župána Jana z Perína: Archiv Mesta Kremnice. Fons 26. Fasc 1. № 9. Branislav Varsik. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava, 1965. S. 126–127.
- ²² *Ladislav Hosák*. Uherský Ostroh ve válkách husitských, Časopis společnosti přátel starožitnosti československých v Praze XLIII, 1935. S. 28–29. Его мнение в свое время критиковал Рудольф Урбанек: *Urbánek Rudolf*. K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. Praha, 1940. S. 21–22.
- ²³ Jan Długosz IV. S. 486.
- ²⁴ *Kras Pawel*. Český kacif-husita // Nodl Martin, Šmahel František (edd.). Člověk českého středověku. Praha, 2002. S. 266.
- ²⁵ *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.), 7.3, 7.8.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 303; *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie s Slovensko. S. 48; *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Kraków, 1988. S. 91.
- ²⁸ *Тереженко Ю.І.* Україна і Європейський світ. Київ, 1996. С. 301; *Jiří Jurok*. Husitské organizační struktury v Lužicích a Slezsku, Časopis slezského zemského muzea, serie B, 45 – 1996. S. 104, 106; Idem: Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce, Nový Jičín 1998. S. 117.
- ²⁹ Во всяком случае, через гуситского кондотьера польского происхождения Добеслава Пухалу, с которым оба тесно сотрудничали. См.: *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. S. 91, 105–106; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 202.
- ³⁰ *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Kraków, 1988. Мнение И. Юрока о том, что после 1427 г. Фридрих вместе с Корибутом находился в Верхней Силезии, не находит подтверждения в источниках. См.: *Jiří Jurok*. Husitské organizační struktury v Lužicích a Slezsku. S. 106; *Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce*. S. 123.
- ³¹ См. ниже. С. 14.
- ³² Monumenta medii aevi historica res gestas Polonia illustrantia II, Cod.epist.saec.XV, pars. I, Cracoviae 1876. S. 67, č. 69.
- ³³ О возможности более ранних контактов Фридриха с чешскими землями писал А.В.Флоровский: Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 305.
- ³⁴ *Schulz Václav*. Historické zprávy v nejstarší knize m. Brodu Českého z l. 1421–1496, VKČSN 1899–6, s. 2, 6; см. также: *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 47; *František Šmahel*. Husitská revoluce IV. S. 36, 174; *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko // Jihlava a basilejská kompaktáta. Jihlava, 1992. S. 43. Рудольф Урбанек также ссылается на публикацию источника В. Шульца, но по неясным причинам, пишет о Чаславе. См.: *Rudolf Urbánek*. Lipany a konec polních vojsk. Praha, 1934. S. 30, 179, 199; On že. K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 20–21.
- ³⁵ *Petr Čornej*. Velké dějiny zemí Koruny české V. S. 466–467; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 182–183.

- ³⁶ Kleine Klosterneuburger Chronik, Archiv für Österreichische Geschichte VII, 1851. S. 249–250; *František Šmahel*. Dějiny Tábora I/2, s. 626 говорит о нем как о таборитском гетмане, а Rudolf Urbánek. К истории doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 23 и *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko. S. 43, 45–47 считают Фридриха представителем сирот.
- ³⁷ Výbor z literatury české. Díl druhý. Z počátku XV až ku konci XVI století. Ed. K.J. Erben. Praha, 1868. S. 307.
- ³⁸ *Miroslav Svoboda*. Břeclav za husitských válek. S. 143, 145; см. также прим. 36.
- ³⁹ *Petr Čornej*. Tajemství českých kronik Cesty ke kořenům husitské tradice. Druhé vydání. Praha, 2003. S. 207–251, особенно с. 228–229. Не совсем понятно, правда, появление имени Фридриха Острожского в документе конца XVI в.
- ⁴⁰ *Ladislav Hosák*. Svědetství kronik o událostech na Břeclavsku za válek husitských // Vlastivedný sborník Břeclavska, 1934, č. 1, s. 4; *Amedeo Molnár*. Táborský kněz a hejtman – Bedřich ze Strážnice // Na rozhraní věků. Cesty reformace. Praha, 1985. S. 29; *Miroslav Svoboda*. Břeclav za husitských válek. S. 142–143, 145; *Augustin Neumann*. K dějinám husitství na Moravě. Olomouc, 1939. S. 95–97.
- ⁴¹ Kleine Klosterneuburger Chronik, Archiv für Österreichische Geschichte VII, 1851. S. 249–250 («darnach sass zu lundenburg ein Herzog aus Reussen und alle die umb in sassen bey 6 meylen mussten im zins geben»). О системе «гольдов» см. также: *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 216–218; *Josef Válka*. Dějiny Moravy I. Brno, 1991. S. 138.
- ⁴² Colmar Grünhagen (ed.). Geschichtsquellen der Hussitenkriege, Scriptorum rerum Silesiacarum VI. Breslau, 1871. № 81. S. 59; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436 I. Praha, 1873. S. 602.
- ⁴³ *August Sedláček*. Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480. Praha, 1914. Č. 1006. S. 143.
- ⁴⁴ Středověké listy ze Slovenska. S. 4.
- ⁴⁵ См. специальное исследование о нем: *Dvořáková D.* Rytier a jeho král. Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. Sonda do života stredovekého uhorského šľachtica s osobitným zreteľom na územie Slovenska. Budmerice, 2003.
- ⁴⁶ Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov V. Prvý cisár na uhorskom tone. Bratislava, 2001. S. 236.
- ⁴⁷ *František M. Bartoš*. Zápisky v breviári kněze Antocha z Přelouče z let 1422–1432, Časopis archivní školy XII, 1934. S. 103, 107. При этом, как считал А. Нойманн, в его распоряжении якобы находилась целая армия, насчитывавшая 7000 человек, что является безусловным преувеличением. См.: *Augustin Neumann*. K dějinám husitství na Moravě. S. 110.
- ⁴⁸ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 283.
- ⁴⁹ Wilhelm Altmann (ed.) Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismundus. Berlin, 1893. S. 279–280; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436 II. S. 144 (Конрад Олешницкий).
- ⁵⁰ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 46, 275, 310–311; *František M. Bartoš*. Husitská revoluce II. Vláda bratrstev a její pád 1426–1437. Praha, 1966. S. 72–73; Так же считает и *Miroslav Lysý*. Husitské vpády. S. 420; *Daniela Dvořáková*. Rytier a jeho král. Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. S. 380–381, 463; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 228, 389–390.
- ⁵¹ *Jan Długosz IV*. S. 369–370. Подробно об этом событии см.: *Antoni Prochaska*. Napad husytów na Czeszochowę w 1430 r., Kwartalnik historyczny, XXI, 1907. S. 309–320. Однако конкретно о Фридрихе Острожском в этой статье ничего нового не сообщается.
- ⁵² *Petr Čornej*. Velké dějiny země Koruny české V. S. 527–530; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 226–227; *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. S. 106–107; *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko. S. 41–42. При этом утверждение И. Юрока, что Добеслав Пухала и Зигмунд Корибут также участвовали в нападении на Ченстохову, не соответствует действительности.
- ⁵³ Так предполагал А.В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 323.
- ⁵⁴ Středověké listy ze Slovenska. S. 5; *Marián Konečný*. Príspevky k chronológii a topografii husitskej výpravy na Spiš roku 1433, Husitský Tábor 5, 1982. S. 205; *Jiří Jurok*. Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce. S. 123. Существует мнение, что применительно к Жилине нужно говорить не о постоянном гарнизоне, а лишь о временном пребывании гуситских войск: *Miroslav Lysý*. Vpády husitov a ich posádky. S. 647–648.
- ⁵⁵ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 277; *Miroslav Lysý*. Vpády husitov a ich posádky. S. 646–648.
- ⁵⁶ *Jana Długosz IV*. S. 486.
- ⁵⁷ List župána Jana z Perína см.: Archiv Mesta Kremnice. Fons 26. Fasc 1. № 9. *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava, 1965. S. 126–127.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 264–265.
- ⁵⁹ *Ladislav Hosák*. Uherský Ostroh ve válkách husitských. S. 29; Rudolf Urbánek. К истории doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 21 (оригинал – в городском архиве Угерского Острога: Zprávy archivní inspekce v Zemském Archivu v Brně 31 III, 1859).

- ⁶⁰ *August Sedláček*. Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480. Č. 1245. S. 173.
- ⁶¹ См. об этом: *František Kavka*. Zikmundova politika let 1429–1434 a husitství, Husitský Tábor 8, 1985. S. 89–105; Idem. Poslední Lucemburk na českém trůně. Praha, 1998. Kap. VII, VIII; Wilhelm Baum. Císař Zikmund. Kostnice, Hus a války proti Turkům. Praha, 1996. Kap. XVI; *Julius Bartl*. Zikmund Luxemburský. Budmerice, 1996. S. 69–81.
- ⁶² В 1437 г. владельцем Весели над Моравой является уже Блажек из Боротина (Středověké listy ze Slovenska. S. 9–10). По мнению Р. Урбанека, Острог Фридрих продал Райнпрехту фон Эберсдорфу (K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Morav. S. 30).
- ⁶³ *František Palacký*. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě III. Praha, 1939. S. 563.
- ⁶⁴ *Jan Długosz IV*. S. 538–539.
- ⁶⁵ *Josef Pervolf*. Příspěvky k českým dějinám XV–XVI století, Časopis Musea Království Českého LIV. 1880. S. 403.
- ⁶⁶ *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). Wrocław, 1964. S. 146; *Jiří Jurok*. Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce. S. 135–136. **Gede** (Gedec, Gewde, Gedew, Gevdew) – замок Гоедейов в окрестностях Римавской Сobotы, разрушенный турками в 1571 г.
- ⁶⁷ *Johann Loserth*. Regesten zur Geschichte der mährisch-ungarischen Beziehungen in der Zeit der hussitischen Söldernbander, 1918. S. 67. Č. 58. P. Хек предполагает, что эти акции были предприняты при тихом согласии польского двора с целью спровоцировать новую войну с Альбрехтом Габсбургом: *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). S. 147, 190.
- ⁶⁸ *Josef Chmel*. Regesta Friderici III. Rom. imperatoris (1440–1493). Wien, 1840. Č. 3792; «Waclaw knieze z Ostrowa» – Středověké listy ze Slovenska. S. 103.

М.В. ДМИТРИЕВ

КАТОЛИЦИЗМ И «ПРОТОНАЦИОНАЛИЗМ» ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVI ВЕКА (ПАМФЛЕТ Ф. ПИЖЕНА «ОСЛЕПЛЕНИЕ И НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ ПОЛИТИКОВ»)

Задача этой статьи – рассмотреть как в католической мысли раннего Нового времени взаимодействовали христианские и «протонациональные» дискурсы. Мы это сделаем на примере одного из характерных сочинений консервативно-католического лагеря во Франции в конце XVI века (сторонники католической Лиги, а еще точнее – так называемой «испанской Лиги») – сочинения Франсуа Пижена «Ослепление и неразборчивость Политиков» («L'aveuglement et grande inconsideration des Politiques»)¹. Автор (?–1590) был священником, доктором теологии, кюре известного парижского прихода св. Николая-на-Полях (Saint-Nicolas-des-Champs) в 1588–1590 гг., одним из самых заметных проповедников радикальной католической партии, захватившей власть в Париже в 1588 году². Pamфлет был опубликован в Париже, видимо, в 1589 году³. Исследований, посвященных именно Ф. Пижену и данному его сочинению, кажется, не существует. Однако есть довольно многочисленные исследования о той группе французских публицистов и религиозных деятелей, которую он представлял⁴. Но ни в одной из известных мне работ⁵ тексты, подобные памфлету Пижена, не разбираются с той точки зрения того вопроса, который поставлен в данной статье. Вообще проблема потенциального (или актуального) конфликта между христианством и дискурсами национальной и прото-национальной идентичности не ставится во французской историографии, и этому есть объяснение: историки принимают как данное, что в европейских культурах Средних веков представления о «нациях» складываются как бы спонтанно, не вступая в противоречие с христианством. Однако *сравнение* западного опыта с данными об аналогичных процессах в Византии и на Руси заставляет задуматься, почему представления о христианских *nationes* органичны для католических культур и не кажутся органичными для культур византийско-православного круга⁶.

Ф. Пижен писал свой памфлет в остро кризисной ситуации, созданной религиозными войнами, гибелью Генриха III и переходом в протестантизм Генриха Наваррского, единственного вполне легитимного наследника французской короны. В спорах